

Loughborough University Institutional Repository

Tolstoy's anarchist denunciation of state violence and deception [Russian text]

This item was submitted to Loughborough University's Institutional Repository by the/an author.

Citation: Христостянопулос, А. 2014. Порицание Толстым насилия и лжи государства с позиции анархизма, в А.А. Гусейнов и Т.Г. Шедрина (ред.) Лев Николаевич Толстой. Москва: РОССПЭН, стр. 277-298.

Additional Information:

- This book chapter is a Russian translation of CHRISTOYANNOPOULOS, A.J.M.E., 2008. Tolstoy's Anarchist Denunciation of State Violence and Deception. IN: Kofmel, E. (ed.) Anti-Democratic Thought. Exeter: Imprint Academic, 2008, pp. 85-100, for the edited book on Tolstoy's work (A.A. Guseinov and T.G. Shchedrina). The book, titled 'Lev Nikolayevich Tolstoy', is part of the 'Russian philosophy of the 20th century' series, which is the result of collaboration between The Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy (<http://eng.iph.ras.ru>), non-profit research foundation "The Schedrovitsky Institute for Development" (<http://www.fondgp.org>) and ROSSPEN publishers (<http://www.rosspen.su/>).

Metadata Record: <https://dspace.lboro.ac.uk/2134/17591>

Version: Published

Publisher: © РОССПЭН

Rights: This work is made available according to the conditions of the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International (CC BY-NC-ND 4.0) licence. Full details of this licence are available at: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>

Please cite the published version.

А. Христоянопулос

Порицание Толстым насилия и лжи государства с позиции анархизма*

*Введение***

Лев Толстой (1928–1910) полагал, что государство, будь оно демократическим или недемократическим, является жестоким и лживым учреждением и что в истинно христианском обществе институт государства был бы изжившей себя формой организации. Несомненно, он с особой подозрительностью относился к демократическим государствам из-за ауры легитимности, на которую они претендуют. Несмотря на то, что сегодня Толстой больше известен своими художественными произведениями, столетие тому назад он был не менее известен благодаря своим радикальным

* Перевод выполнен по изданию: Christoyannopoulos A. J. M. E. Tolstoy's Anarchist Denunciation of State Violence and Deception // *Anti-Democratic Thought* / Ed. by E. Kofmel. Charlottesville: Imprint Academic, 2008. P. 85–100.

** Автор благодарит Штефана Россбаха, Нассоса Христоянопулоса, Шарифа Джеми, Рут Кинну, Эриха Кофмеля и трех анонимных рецензентов за их полезные замечания к предыдущим вариантам этой статьи, расширенная версия которой была опубликована в журнале «Anarchist Studies».

политическим взглядам, которые он развивал в последние три десятилетия своей жизни. В других своих работах я подробно рассматривал труды о христианском анархизме Толстого и дискуссию по поводу его критики войны, патриотизма и всеобщей воинской повинности*. Моей основной целью здесь является показать, что Толстой считал, что все государства, демократические или недемократические, предрасположены к насилию и обману. Анархизм Толстого представляет собой исключительно ненасильственную, пацифистскую форму анархизма, вдохновленную примером и учением Христа и сугубо критически настроенную по отношению к насилию, с которым термин «анархизм» часто ассоциируется. Поскольку Толстой и сегодня один из самых известных христианских анархистских мыслителей, анализ его концепции является полезным введением в эту проблематику.

Несколько аргументов против государства, которые Толстой излагает в ряде книг и памфлетов, приведены здесь по тематическому принципу. Эти темы составляют заголовки двух основных частей настоящей работы. В первой из этих частей сосредотачивается внимание на осуждении Толстым государственного насилия и проясняются его взгляды на закон, экономическую эксплуатацию и воздействие структуры государства на его членов. Во второй части рассматриваются примеры государственных механизмов обмана: лицемерие государственных лидеров и прочно укоренившееся уклонение от ответственности. Статья завершается небольшим разделом, в котором осмысливается современное значение сочинений Толстого о государстве.

Толстой часто противопоставляет современное государство идеальному христианскому обществу, чтобы проиллюстрировать несовместимость принципов Христа, которыми он вос-

* См.: Christoyannopoulos A. J. M. E. Leo Tolstoy on the state: a detailed picture of Tolstoy's denunciation of state violence and deception // *Anarchist Studies*. 2008. № 16 (1). P. 20–47. Другие полезные материалы по теме анархических идей Толстого вы найдете в работах: Guseinov A. A. Faith, God and nonviolence in the teachings of Lev Tolstoy // *Russian Studies in Philosophy*. 1999. № 38 (2). P. 89–103; Hopton T. Tolstoy, God and anarchism // *Anarchist Studies*, 2000. № 8 (1). P. 27–52; Marshall P. Demanding the impossible: a history of anarchism. London, 1993; Stephens D. The non-violent anarchism of Leo Tolstoy // *Government is violence: essays on anarchism and pacifism* / Ed. D. Stephens. London, 1990; Woodcock G. Anarchism: a history of libertarian ideas and movements. Harmondsworth, 1975.

хищался, с государством, к которому он питал отвращение. Его понимание христианства было глубоко рациональным: для него Христос был высшим воплощением [человеческой] мудрости — то, чему он учил, было в действительности подкреплено разумом, а предрассудки вроде воскрешения были не более чем фантастическими историями, добавленными позже элитами, в чьих интересах было исказить основное учение христианства*. Для Толстого сущность рационального учения Христа состоит в его нагорной проповеди, в которой Христос заменяет Ветхозаветный закон своими новыми заповедями: не гневаться, не судить, любить своих врагов, и в частности, не сопротивляться злу, подставляя другую щеку**. Даже если государство номинально является «христианским», утверждает Толстой, оно нарушает все эти заповеди. Сила сочинений Толстого заключается именно в противопоставлении официального христианского государства христианскому идеалу.

I

Насилие со стороны государства

Главный урок, который Толстой извлек из повторного открытия для себя христианства уже в преклонном возрасте, состоял в том, что насилию нет никакого оправдания: оно всегда порождает только еще больше насилия***. Поэтому не удивительно, что его критика государства сосредоточена на различных аспектах насилия со стороны государства.

Закон

В своей работе «Рабство нашего времени» Толстой заявляет, что сущность рабства состоит «...в том, что есть узаконения,

* См.: Толстой Л. Н. В чем моя вера // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 304–465; Толстой Л. Н. Церковь и государство // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 23. С. 475–483; Толстой Л. Н. Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. М., 1952. С. 245–253.

** См.: Толстой Л. Н. В чем моя вера // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 23. С. 304–465.

*** См.: Kennan G. A visit to count Tolstoi // The Century Magazine. 1887. № 34 (2). P. 252–265; Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 149–221.

есть люди, имеющие возможность устанавливать выгодные для себя узаконения»*. Одна общая черта всех законов заключается в том, что обеспечение их соблюдения основано на угрозе наказания: если кто-либо отказывается их соблюдать, «те, кто установили эти узаконения, пришлют вооруженных людей, и вооруженные люди прибьют, лишат свободы или даже убьют неисполняющего». Насилие или угроза его применения играют исключительно важную роль в обеспечении соблюдения законов, что для Толстого представляется самоочевидным фактом порабощения: «Необходимость исполнять против своего желания волю других людей и есть рабство»**. До тех пор, пока насилие используется для принуждения людей к повиновению законам против их собственной воли, рабство не перестанет существовать.

Проблема, утверждает Толстой, заключается в том, что «узаконения <...> не могут быть понимаемы как выражение воли всего народа»***. Любое действие государства кем-то считается благим, а кем-то — разрушительным, иными словами — разногласия возникают в любом случае. Покуда есть люди, которые не соглашаются с какими бы то ни было его действиями, с какими-либо законами, государство в конечном счете нуждается в насилии для претворения своих начинаний в жизнь****. Таким образом, логично, что любая государственная деятельность в конце концов сводится к насилию. Само существование государства неминуемо связано с насилием и рабством.

Более того, Толстой отрицает саму идею о том, что законы выражают волю всего народа, коль скоро, как он отмечает, тех, кто желает эти законы нарушить, всегда больше тех, кто желает их соблюдать****. Что еще важнее, если бы законы вы-

* Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 179.

** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 187.

*** Там же. С. 179.

**** Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. М., 1937. С. 321.

***** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 179. Этот аргумент, надо сказать, довольно сомнителен; но Толстой считает, что, коль скоро законы принимаются властным меньшинством и направлены против малоимущего большинства, это малоимущее

ражали волю народа, насилие попросту бы не потребовалось для обеспечения их соблюдения. По существу Толстой утверждает: «Все знают, что не только в деспотических, но и в самых мнимо-свободных государствах: Англии, Америке, Франции и других, узаконения устанавливаются не по воле всех, а только по воле тех, которые имеют власть, и потому всегда и везде бывают только такие, какие выгодны тем, кто имеет власть, — будут ли это многие, некоторые или даже один человек»*.

Таким образом, Толстой отвергает типичные доводы в пользу представительной демократии и против авторитаризма. В анонимном эпиграфе к одной из своих глав, из стилистики которого можно предположить, что он принадлежит перу самого писателя, мы читаем: «Когда среди 100 человек один властвует над 99, это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвует над 90 — это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении — в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) — тогда это совершенно справедливо, — это свобода! Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства»**.

Как утверждает Толстой, идея, согласно которой правление большинства каким-то образом является воплощением «справедливости» и «свободы», крайне возмутительна. Будь то демократические законы, законы недемократические, они суть *«правила, устанавливаемые людьми, распоряжающимися организованным насилием, за неисполнение которых неисполняющие подвергаются побоям, лишению свободы и даже убийству»****. Законы писаны теми, кто находится у власти, и согласуются с их собственными интересами; а коль скоро они подразумевают осуществление насилия, *де факто* они означают рабство.

большинство рано или поздно откажется от такого несправедливого законодательства — такие законы не выражают их волю.

* Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 180.

** Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 159.

*** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 181.

Толстой также обращается к спору о том, нужно ли людям, чтобы ими руководили правительства, чтобы их обучали тому, как нужно жить, чтобы обеспечить благосостояние всего общества. Он высказывает сомнение, что те, кто устанавливает законы, более разумны, чем те, над которыми они совершают насилие. На самом деле, продолжает он, — «то, что они позволяют себе делать насилие над людьми, показывает то, что они не только не более разумны, но менее разумны, чем те, которые им покоряются»*. Жестокий управленец ни мудр и ни рационален. Как говорится в еще одном анонимном эпиграфе к очередной главе: «Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилием»**. Для Толстого разум и насилие взаимоисключаемы. «Одно из двух: или люди разумные, или неразумные существа. Если они неразумные существа, то они все неразумные существа, и тогда всё между ними решается насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. И насилие правительства не имеет оправдания. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны на разуме, а не на насилии людей, случайно захвативших власть. И потому насилие правительства тоже не имеет оправдания»***.

Для Толстого ни одно правительство не способно разумно оправдать использования насилия для образования населения. Социальный порядок поддерживается либо благодаря разуму, либо благодаря насилию.

В последние годы своей жизни, когда царская Россия пребывала в усугубляющемся политическом кризисе, Толстой написал памфлет «Не могу молчать» (1908), в котором он утверждал, что правительство, как и революционеры, было в равной степени аморально в применении насилия для оправдания своих целей. Однако он отметил, что революционеры действовали теми же средствами, какими пользовалось правительство. Они «научились» у жестокого государства, скованного порабощающими законами, поэтому их способы борьбы напоминают поведение непослушного ребенка, подражающего несдержанным

* Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. С. 186.

** Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 156.

*** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 186.

родителям. Однако в отличие от правительства революционеры не делали вид, что они христиане, но отвергали любую религию; в отличие от правительства их действия согласовывались с их мировоззрением*.

Фактически Толстой полагал, что любые законы равнозначны насилию, а значит и рабству, независимо от того, были ли они приняты демократическим или же деспотическим правительством. Уже в силу самой своей природы законы эти не могут просвещать, они ведут лишь к оскудению разума. А цель их есть не что иное, как экономическая эксплуатация народа.

Экономическое рабство

Как отмечает Терри Хоптон, эксплуатация для Толстого есть продукт экономической системы, так же как насилие есть продукт системы государственной. Однако экономическая эксплуатация *фактически* и есть насилие, только эта его форма «еще более коварная и вездесущая» именно в силу того, что она менее очевидна и в то же время столь же ограничивающая, как и непосредственное физическое насилие**. Толстой утверждает, что государство пользуется своей легитимированной монополией на насилие против своих собственных малоимущих граждан, чтобы поддержать благосостояние привилегированных. Во всех своих сочинениях он приводит несколько примеров подобной экономической эксплуатации, которым лично стал свидетелем, а затем использует эти примеры как отправные точки для последующих рассуждений о болезнях государственной власти***.

Толстой утверждал, что все государства в сущности являются эксплуататорскими, независимо от того, какими они изначально учреждались: авторитарная Россия использовала более очевидные методы, чем либеральные режимы, но это было лишь единственное отличие. И сегодня его критику без труда могли бы использовать те, кто рассматривает капитализм как рабство, замаскированное под благотворительность. Следую-

* Толстой Л. Н. Не могу молчать // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 90–92.

** Hopton T. Tolstoy, God and anarchism // Anarchist Studies. 2000. № 8 (1). P. 39.

*** См., например: Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. С. 182–188.

щее утверждение Толстого едва ли потеряло свою актуальность в двадцать первом веке: «Если у рабовладельца нашего времени нет раба Ивана, которого он может послать в отхожую яму чистить свои испражнения, то есть 3 рубля, которые так нужны сотням Иванов, что рабовладелец нашего времени может выбрать любого из сотни Иванов и облагодетельствовать его тем, что предпочтительно перед другими позволит ему лезть в яму»*.

Хотя современное рабство и не так явно выражено, как оно проявлялось в Америке до освобождения негров, это тем не менее самое настоящее рабство. В сущности, экономическое рабство еще хуже, чем то рабство, о котором говорится в исторической литературе, ведь оно завуалировано иллюзией свободного выбора и считается естественным и даже выгодным. Сегодняшний рабовладелец — это давно уже не состоятельный колонизатор, но великодушный бизнесмен, держатель акций. И действительно, малообеспеченные слои любого сообщества (локального или сегодняшнего глобального) сталкиваются с выбором: «...за деньги, дающие только пропитание, люди, считающиеся свободными, находят нужным отдаваться в такую работу, в которую во времена крепостного права ни один самый жестокий рабовладелец не послал бы своих рабов»**. Ради того только, чтобы заработать на хлеб, бедные наёмные рабочие вынуждены мириться с унижительными условиями труда. Экономическая модель, отстаиваемая просвещенным государством и защищаемая его законами, привела к тому, что «...так или иначе рабочий всегда будет в рабстве у тех людей, которые владеют податями, землю и предметами, необходимыми для удовлетворения его потребностей»***. Сегодняшний наёмный рабочий находится в положении не лучше, чем вчерашние рабы, а государственная система лишь обеспечивает сохранение этого положения.

Для чего как не для защиты богачей принимаются законы, призванные обеспечить защиту земли и частной собственности? Только огромные площади запущенных земель и украденной собственности необходимо защищать с помощью агрессивно-

* Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 168.

** Там же. С. 150.

*** Там же. С. 172.

го законодательства. Для Толстого «...предметы, действительно произведенные трудом человека и необходимые ему для жизни, всегда ограждаются обычаем, общественным мнением, чувством справедливости и взаимности и не нуждаются в ограждении насилием. Десятки тысяч десятин леса, принадлежащих одному владельцу, тогда как тысячи людей рядом не имеют топлива, нуждаются в ограждении насилием»*. Законы о частной собственности защищают лишь тех, кому она на самом деле не должна принадлежать. Законы защищают богатей.

На протяжении истории находились все новые предлоги для оправдания неравного распределения труда в обществе. Таким образом, «...в прежние времена люди, пользовавшиеся трудами других, утверждали, во-первых, что они люди особенной породы и, во-вторых, имеют особенное назначение от бога заботиться о благе отдельных людей, т. е. управлять ими и учить их»**. Оправдания были как биологические, так и теологические. Однако со временем такие оправдания потеряли свой смысл. Поэтому, пишет Толстой, должны были появиться новые предлоги, и на этот раз «наука» предложила свое объяснение.

Это новое оправдание «праздности так называемых образованных людей» (и сопутствующему рабству, которому подвергается все остальное население), согласно Толстому, звучит так: «Мы, люди, освободившие себя от общечеловеческой обязанности участия в борьбе за существование, служим прогрессу и тем самым приносим пользу всему обществу людей — пользу, выкупающую весь тот вред, который делается тому же народу потреблением его трудов»***. Другими словами, это явно неравное разделение труда представляется лучшим из возможных способов, призванных обеспечить прогресс общества в целом. Общество подобно природному организму, в котором каждый из его членов выполняет свою функцию, таким образом, нынешнее разделение труда есть самое естественное, которого только можно достичь, — это природное равновесие «здорового», «органичного» общества****.

* Там же. С. 185.

** Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. С. 316.

*** Там же. С. 318.

**** Там же. 312–330.

Разумеется, что для Толстого это «научное» оправдание несправедливой экономической системы есть не более чем очердная хитрая ложь, состряпанная теми, кому она выгодна. Прежде всего, эта теория не следует из «естественных свойств человеческого общества», но лишь из его «частного случая»*. И это утверждение, согласно которому общество должно достичь столь неравного разделения труда, вовсе не является общезначимой истиной, но лишь обозначает ситуацию, возникающую при наличии привилегированного меньшинства, управляющего могущественным государством, определяющим правила, по которым будет жить большинство, и использующим силу, чтобы обеспечить согласие с этими правилами.

При таких условиях никакое разделение труда не может быть названо «естественным». Если разделение труда происходит само собой и определяется лишь разумом и сознанием, то оно является правильным; но как только любая форма принуждения искажает выбор трудящихся, происходит «захват чужого труда», который вовсе нельзя назвать естественным или справедливым**.

И не стоит утверждать, что разделение труда ведет к процветанию наук или прогрессу в гуманитарных дисциплинах, так как новые технологии лишь усугубляют тяжелое положение бедных рабочих, по крайней мере, в той же степени, в какой они его облегчают: «Если рабочий может вместо ходьбы проехаться по железной дороге, то за то железная дорога сожгла его лес, увезла у него из-под носа хлеб и привела его в состояние, близкое к рабству — капиталисту. Если, благодаря паровым двигателям и машинам, рабочий может купить дешево непрочного ситцу, то за то эти двигатели и машины лишили его заработка дома и привели в состояние совершенного рабства — к фабриканту»***. Новое знание и новые технологии, которые стали возможны благодаря науке, в действительности намного более доступны немногочисленным богачам, нежели поработенной рабочей силе, а это означает, что в выигрыше от «научного прогресса» окажутся именно привилегированные рабовладельцы, а не их рабы.

* Толстой Л. Н. Так что же нам делать? С. 253.

** Там же. С. 346.

*** Там же. С. 355.

Таким образом, те, кто апеллирует к социологическим законам с целью оправдания своего комфортного положения при нынешней экономической системе, суть не более чем удачливые лжецы. Они могут утверждать: «...не мы это сделали: это сделалось само, как дети говорят, когда они разобьют что-нибудь, что это само разбилось. <...> Но это — неправда»*. Нужно лишь понаблюдать за образом жизни этих людей, чтобы понять, что они вовсе не невинны. Они привыкли считать, что их зажиточный образ жизни не имеет ничего общего с экономическим и политическим насилием, совершаемым государством. «Они любят верить в то, что преимущества, которыми они пользуются, существуют сами по себе и происходят по добровольному согласию людей, а насилия, совершаемые над людьми, существуют тоже сами по себе и происходят по какому-то общим и высшим юридическим, государственным и экономическим законам. Люди эти стараются не видеть того, что они пользуются теми преимуществами, которыми они пользуются, всегда только вследствие того же самого, вследствие чего теперь будут принуждены крестьяне, выростившие лес и крайне нуждающиеся в нем, отдать его не оказавшему никакого участия в его оберегании во время роста и не нуждающемуся в нем богатому помещику, т. е. вследствие того, что если они не отдадут этот лес, их будут бить или убивать»**. Но это не так. Даже если они пытаются убежать от истины и изо всех сил стараются её забыть, эти немногочисленные богачи и государственная система, которую они защищают высокопарными речами, ответственны за экономическую эксплуатацию народных масс***.

Жестокий механизм с жестокими элитами

Из-за того, что государство провоцирует войны со своими соседями, навязывает законы своим людям, эксплуатирует свою рабочую силу, оно является злым, жестоким и разрушительным механизмом. Государство убивает, ворует и поработщает, следовательно: «...все то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость — фик-

* Там же. С. 307.

** Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. М., 1957. С. 226.

*** См.: Там же. С. 226—228.

ция. Все, что может нарушить внешнее благообразие, — все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрятыны по таким местам, где их нельзя видеть»^{*}.

Даже если государство из всех сил пытается казаться праведным, само государственное устройство порочно, потому что оно попирает все, что олицетворяет собой учение Христово.

Таким образом, государство^{**} — это организация, «подобная конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того одного лица, которые находятся на вершине его»^{***}, т. е. во власти «самых дерзких, грубых и развращенных людей»^{****}. Следовательно, даже когда речь идет о «демократии», нельзя впадать в заблуждение, полагая, что правители являются честными «представителями совокупности граждан», так как все они суть не более, чем «собрание одних людей, насилующих других»^{*****}. Демократические или нет, лидеры государства — это всегда хулиганы. «Для того, чтобы приобрести власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не с добротой, а с противоположными доброты качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью»^{*****}.

В любом случае, даже если предположить, что добродетельный человек мог бы достичь этой вершины, он вскоре был бы развращен, так как механизм государства требует нарушать основные нравственные принципы: «Все люди, находящиеся во власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильовали добрых, подразумевая под этим то, что они-то и суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых. Но ведь властвовать значит насильовать, насильовать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насильие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насильие; следовательно, властвовать значит делать

^{*} Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. М., 1952. С. 182.

^{**} У Толстого речь идет о правительстве. — *Прим. ред.*

^{***} Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 90. С. 435.

^{****} Там же.

^{*****} Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 116.

^{*****} Там же. С. 190.

другому то, чего мы не хотим, чтобы нам делали, т. е. делать злое»*. Следовательно, только злодеи могут быть правителями. Добродетельный человек никогда не сможет возглавить государство. Иными словами, в самой природе государства «...злые всегда властвуют над добрыми и всегда насилуют их»**.

Необходимость государства обосновывается тем, что оно должно противостоять насилию и несправедливости, однако оно само их творит. Толстой заимствует сравнение Евгения Шмитта: «Правительство если и обеспечивает своим подданным известного рода безопасность, то поступает по отношению их совершенно так же, как поступал калабрийский разбойник, обложив податью всех тех, кто хотел безопасно ездить по дорогам»***. Государство продает себя своим подданным, предлагая им безопасность, — и действительно, если подданный не будет платить и повиноваться, всевозможные законы обеспечат самую настоящую угрозу его безопасности. Более того, эта система очень коварна: стоит государству установиться, оно (подобно калабрийскому разбойнику) может с легкостью поддерживать себя, поскольку налоги собирают те же служащие, на содержание которых и идут эти налоги****.

Обосновывая свое существование целью обуздания внутренних разногласий и насилия, государство свободно пользуется и злоупотребляет своей верховной властью, и таким образом ведет себя в точности как злодеи, которых оно призвано истреблять, оно лишь делает это в несопоставимо большем масштабе. Между тем принуждение действует лишь до тех пор, пока объект его слабее; однажды слабый станет сильнее и отомстит за себя, используя всё те же жестокие приемы, которые когда-то держали его под контролем****. Иными словами, насилие со стороны государства порождает еще больше насилия, а выте-

* Там же. С. 190–191.

** Там же. С. 192.

*** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 190.

**** Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. С. 283.

***** См.: Kennan G. A visit to count Tolstoi // The Century Magazine. 1887. № 34 (2). P. 252–265; Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 193.

кающий из этого порочный круг все дальше уводит общество от учения Христового.

Для Толстого государство не может не быть жестоким, т. е. оно всегда будет нехристианским и неразумным. Христианские государства также не избежали этого вердикта: все те страны, которые якобы приняли христианство, вынуждали как свой собственный народ, так и соседние народы поступать против их собственной воли. В силу самой своей организации, а также в силу того, что лидеры этих государств не могут не быть аморальными и корыстными, государство с необходимостью является жестокой и деспотичной структурой.

II

Организованный обман

Помимо врожденной жестокости, Толстой жестоко порицает еще одно ключевое свойство государства: его структуру обмана*. В этом разделе рассматривается понимание Толстым обмана и способы его проявления в государстве.

Лицемерие государственной власти

Так как причина насилия со стороны государства для Толстого заключается в самом факте существования государства, войны, к примеру, не могут быть искоренены с помощью мирных конференций и альянсов — для того чтобы исчезли войны, должно исчезнуть само государство. Делать вид, что международные соглашения и альянсы могут искоренить войны, как утверждает Толстой, есть чистое лицемерие.

Да и кто бы настаивал на этих международных соглашениях? Другие страны, с их собственными армиями? И чем это будет отличаться от войны? Мирные соглашения основаны на сотрудничестве между существующими государствами, однако,

* Таким образом, два основных направления критики, сформулированных Толстым, — критика насилия и лжи со стороны государства, отражает два главных способа критики государства с позиции анархизма, представленной в работе: Kinna R. *Anarchism: a beginner's guide*. Oxford, 2005. P. 46.

** См.: Толстой Л. Н. Одумайтесь! // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 36. М., 1936. С. 113–117 (гл. V); Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. 115–116.

согласно Толстому, само существование этих государств, прежде всего и порождает войны*. Кроме того, эти мирные договоры никогда не выполняются в полной мере: очень скоро лидеры государств находят предлог для препирательств, что та или иная война на самом деле не противоречила тому или иному международному соглашению**. Они подписывают эти соглашения с целью обеспечения мира, но спустя несколько месяцев утверждают, что та или иная новая опасность, с которой столкнулись их народы, есть исключение из соглашения и с ней необходимо разобраться, используя средства войны***.

Что касается двусторонних соглашений, призванных якобы обеспечить мир, то они суть откровенные военные коалиции. Образованию франко-русского союза 1893 года Толстой посвятил целое эссе, в котором предупреждал, что хотя государственные лидеры и пытались выдать это за мирный союз, на деле это была настоящая декларация воинственных намерений в отношении Германии. Иначе зачем было бы тратить миллионы на военные нужды, и к чему бы это пресса так настоятельно подчеркивала военное преимущество этого союза? Эти альянсы создаются именно из-за их военного преимущества, они явно ориентированы на будущие войны.

Однако лицемерие государственной власти и взаимодействующей с ней элиты относится не только к международной сфере. Будь то на войне или во внутренних вопросах, таких, например, как экономическое рабство, они лишь предлагают поправки к принимаемым мерам, которые не лишают их своих привилегий****. Они защищают свои слабые реформы, мотивируя это сохранением «культуры» и «цивилизации»*****. Говорят, что нынешнее государство и его экономическая система сформировали сегодняшнюю «культуру», следовательно, мы должны защищать их от радикальных изменений, чтобы не погубить это уникальное культурное наследие. Но культура, являющаяся

* Brock P. *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton, 1972. P. 460.

** См.: Толстой Л. Н. *Одумайтесь!* // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 36. С. 116.

*** См.: Толстой Л. Н. *Патриотизм и правительство* // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 90. М., 1958. С. 433–435. Гл. 5.

**** Толстой Л. Н. *Царство Божие внутри вас* // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 171.

***** Там же. С. 285–286.

продуктом насилия, а не разума, приводящая к угнетению, — это не та культура, которую Толстой был готов сохранять и отстаивать.

Могущественная элита также будет способствовать принятию «железных законов», таких, например, как естественное разделение труда, о котором говорилось выше, чтобы дать понять, что существующий порядок сильно изменить не удастся. Некоторые будут полагаться на теологическое обоснование, вдохновленные христианской верой, согласно которой у всех людей разные судьбы; другие будут апеллировать к гегельянству, где государство представляется как историческая необходимость; третьи будут выдвигать научную точку зрения, в соответствии с которой общество подобно биологическому организму, — но все они будут прятаться за ложными теориями, чтобы объяснить, почему они не понимают тот единственный решительный шаг, который действительно улучшил бы положение людей: ликвидация государства и честное исполнение рационального учения Христа*.

Толстой утверждает, что ни один из этих «железных законов» не является непреложным. На самом деле нынешнее состояние общества «очень ясно и определенно произведено не каким-либо железным стихийным законом, а человеческими узаконениями: о земле, о податях и о собственности. <...> Так что не какие-либо железные, социологические законы производят рабство людей, а узаконения»**. Узаконения написаны именно с целью поработать людей, а заявления о том, что их бедственное положение не может быть улучшено, — это лишь очередное лживое утверждение со стороны элиты, выдвигаемое ею для того, чтобы защитить status quo.

Итак, очевидно, что власти не живут в соответствии с христианскими ценностями, которые они исповедуют. Христианство провозглашает равенство людей, тогда как эта элита озабочена лишь тем, как бы оправдать те неравные системы, из которых она извлекают выгоду***. Более того, их лицемерие и

* См.: Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. С. 378–397.

** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 172.

*** См.: Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 25. С. 314–320.

«развращает, озлобляет, озверяет и потому разъединяет людей», потому что оно «уничтожает в сознании людей различие между добром и злом, лишает их этим возможности избегать зла и искать добра, лишает их того, что составляет сущность истинной человеческой жизни, и потому стоит на пути всякого совершенствования людей»*.

Безответственный образ жизни, навязываемый высшими сословиями общества во имя христианства, развращает сознание тех, кто относится к нему с большим почтением. «Вместо того чтобы изменить жизнь соответственно сознанию» и освещать своим примером путь к разумному учению Христа, эти элиты «стараются всеми средствами затемнить, заглушить сознание»**. Апофеоз их лицемерия настает, когда они, ожесточив, таким образом, народ, приводят этих со всех сторон развращенных людей «в доказательство того, что на людей нельзя действовать иначе, как грубым насилием»***. Это и есть завершение самореализующейся логики лицемерия элит.

Уклонение от ответственности

Как уже было сказано выше, экономические и политические элиты пожимают плечами при упреке об эксплуатации народных масс, как если бы не было больше никакого другого решения. Они в самом деле верят в свою собственную ложь о том, что все это является результатом неизменных законов****. Толстой фактически предполагает, что «верят ученые и их ученики — люди достаточных классов — в это потому, что им нельзя не верить»*****. То есть им надо верить, что весь их образ жизни основан на грабеже и убийствах и что они «очень нечестные люди, или надо верить, что всё совершающееся совершается по неизменным законам экономической науки для общего благополучия»*****. Сознательно или бессознательно, они

* Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 271–272.

** Там же. С. 130.

*** Там же. С. 206.

**** Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 34. С. 153.

***** Там же. С. 160.

***** Там же. С. 160.

закрывают глаза на их истинную обязанность и винят во всем некие внешние железные законы; они должны верить, что они ни в чем не виноваты, ибо иначе, они, конечно же, остановились бы.

Более того, государственная система устроена так, что становится легко думать, что кто-то другой ответственен за насилие со стороны государства. Хоптон поясняет, как каждый отдельный орган власти перекладывает ответственность либо на вышестоящее, либо на нижестоящее звено государственной системы*. Здесь стоит процитировать собственные слова Толстого: «На низшей ступени общественной лестницы — солдаты с ружьями, пистолетами, саблями истязают и убивают людей и этими же истязаниями и убийствами заставляют людей поступать в солдаты и вполне уверены, что ответственность за эти поступки снята с них тем начальством, которое предписывает им их поступки. На высшей ступени — цари, президенты, министры, палаты предписывают эти истязания, и убийства, и вербовку в солдаты и вполне уверены в том, что так как они или от бога поставлены на свое место, или то общество, которым они управляют, требует от них того самого, что они предписывают, то они и не могут быть виноваты. В середине между теми и другими находятся промежуточные лица, которые распоряжаются истязаниями и убийствами и вербовкой в солдаты и вполне уверены, что ответственность отчасти снята с них предписаниями свыше, отчасти тем, что этих самых распоряжений требуют от них все, стоящие на низших ступенях»**.

На каждой ступеньке этой лестницы люди считают, что они просто исполняют свои обязанности, они лишь выполняют ту работу, которая была им предписана. Некоторые связаны клятвами верности, другие просто исполняют свои профессиональные обязанности — но, разумеется, они не несут ответственности за жестокие деяния, совершенные государством как целым. Моральная ответственность, которая свойственна природе человека, ослабляется самой системой. Толстой поясняет: «Ни один судья не решится задушить веревкой того, кого он приговорил к смерти по своему правосудию. <...> Все это делается

* Hopton T. Tolstoy, God and anarchism // Anarchist Studies. 2000. № 8 (1). P. 37.

** Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 251.

только благодаря той сложнейшей машине государственной и общественной, задача которой состоит в том, чтобы разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не почувствовал противоестественности этих поступков. Одни пишут законы, другие прилагают их, третьи муштруют людей, воспитывая в них привычки дисциплины, то есть бессмысленного и безответного повиновения, четвертые — эти самые вымуштрованные люди — делают всякого рода насилия, даже убивают людей, не зная зачем и для чего. Но стоит человеку хоть на минуту мысленно освободиться от этой сети устройства мирского, в которой он запутался, чтобы понять, что ему несвойственно»*. Это разделение задач есть единственное объяснение того, почему люди коллективно совершают столь варварские поступки. Они теряют из виду тот факт, что их собственный вклад, так же как и вклад прочих отдельных элементов сложного механизма, влечет, по крайней мере, частичную моральную ответственность за насилие, которое они применяют к другим**.

Таким образом, всем органам государственной системы внушено чувство, что у них есть особые обязанности***. Они забывают, что все они такие же люди, равные всем остальным, а вместо этого «представляются себе и другим уже не тем, что они есть в действительности, — людьми, а особенными, условными существами: дворянами, купцами, губернаторами, судьями, офицерами, царями, министрами, солдатами, подлежащими уже не обыкновенным человеческим обязанностям, а прежде всего и предпочтительно перед человеческими — дворянским, купеческим, губернаторским, судебским, офицерским, царским, министерским, солдатским обязанностям»****. Они отравлены своими социальными функциями и не замечают своих самых фундаментальных моральных обязательств как человеческих существ.

Даже правящий класс в некоторой мере гипнотизирует себя*****. Сознательно или нет, люди этого класса и есть те, кто

* Толстой Л. Н. В чем моя вера // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 23. С. 332.

** Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 28. С. 250.

*** Там же. С. 256.

**** Там же. С. 254.

***** Там же. С. 258.

увекочивает систему: Толстой убежден, что распределение обязанностей, притупляющее любое чувство ответственности за публичную смертную казнь, «старательно устроено и придумано людьми высшего сословия, людьми учеными и просвещенными»*. И когда появляется церковь (с её мнимой аурой нравственности) и одобряет публичную смертную казнь, людям внушают, что, в конце концов, не так уж это и аморально**.

Сложный механизм государства, поддерживаемый церковью, гарантирует, что никто не будет морально ответственен за аморальные поступки, совершенные во имя государства (или Христа). Люди винят непреложные законы за социальные недуги, в то время как сами они не делают ничего, чтобы исправить их. Они перекалывают ответственность за насилие со стороны государства или на тех, кто выше их (кто формально приказал им), или на тех, кто ниже их (кто просил дать эти распоряжения или исполнил за них эту грязную работу). Происходит моральное разложение в общественном масштабе. Говоря словами Канта, которые приводит Толстой: «Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали»***. Нравственность приносится в жертву дисциплине; она растворяется в государственном механизме.

III

Современная значимость критики Толстого

Что еще мы узнаём из трудов Толстого? Его мысль состоит в том, что государство, будь оно демократическим или нет, есть тюрьма, из которой человечество должно освободиться, но произойти это может лишь в том случае, если насилие и обман, в котором государство повинно, будут разоблачены. Его избоб-

* Толстой Л. Н. Не могу молчать // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 84.

** Обширная критика церкви Толстым — слишком большая тема для этого раздела. Достаточно лишь отметить, что он был не менее критически настроен к церкви, чем к государству, и в сущности считал их соучастниками во взаимном развращении.

*** Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 37. С. 203.

личение государства остается актуальным и по сей день*. Законы все также приводят к насилию, в точности, как описывал Толстой. Экономическая эксплуатация сегодня распространилась в глобальном масштабе. А власть все так же развращает даже самых многообещающих политических лидеров. На внутригосударственном уровне лидеры стран точно так же уклоняются от истинно радикальных реформ, заявляя, что частная собственность или разделение труда суть фундаментальные принципы любой полноценной политической экономии. Органы власти внутри государственной системы все так же продолжают уклоняться от ответственности за насилие со стороны государства: полицейские, применяющие всю силу закона к демонстрантам, будут утверждать, что они просто выполняли приказы, законодатели, которые принимали сами эти законы, будут утверждать, что они лишь представляли интересы своих избирателей, а те, кто находится между ними, будут настаивать на том, что они попросту исполняли свои обязанности. Что касается государственной структуры обмана на международном уровне, то и здесь мало что изменилось. ООН была создана с целью искоренить войну, но до сих пор могущественные силы лицемерно ищут способы использовать ее механизмы с целью легитимации следующих войн или вовсе пути обхода всех этих механизмов вместе взятых.

Толстой не любил, когда его называли анархистом, так как насилие, которое в то время обычно ассоциировалось с этим термином, было противоположностью принципу ненасилия, составляющему основу его критики государства. Вместе с тем Толстой считал необычным тот факт, что люди «боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями»** — они боятся редких и случайных бомб, а не постоянного угнетения

* Столь же актуален сегодня призыв Толстого к человечеству раз и навсегда отказаться от использования насильственных средств, чтобы добиться достойных результатов (этот взгляд четко определяет точку зрения Толстого в бесконечном споре анархистов по поводу использования насилия). Подробнее см. об этом: Christoyannopoulos A. J. M. E. Turning the other cheek to terrorism: reflections on the contemporary significance of Leo Tolstoy's exegesis of the Sermon on the Mount // *Politics and Religion*. 2008. № 1 (1). P. 27–54.

** Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство // Толстой Л. Н. ПСС: В 90 т. Т. 90. М., 1958. С. 436.

государством. Критическое отношение к государству и надежды на безгосударственное общество делают Толстого важной фигурой в широком пантеоне анархистских мыслителей*.

Перевод с английского А. Кабанова

* См.: Hopton T. Tolstoy, God and anarchism // Anarchist Studies. 2000. № 8 (1). P. 27–52.